

Три дня пролетели незаметно. Когда судно вошло в гавань, свита Восточного дворца не пожелала занимать казенную усадьбу, спешно прибранную местными чиновниками. Вместо этого наследный принц устроился на окраине, в уединенной загородной вилле Муюнь.

Сослался на то, что ищет тишины и покоя.

В один из дней у боковых ворот резиденции объявился бродячий лекарь.

С тех пор как на корабле случился приступ холодного яда, Чу Яо так и не оправился. Он явно не доверял сопровождавшим его придворным эскулапам, а потому упрямо терпел до самого города, прежде чем впустить кого-то в свои покои.

— Ваше Высочество силой подавляет холодный яд «Морозной костью». С виду — клин клином, а на деле вы просто черпаете воду из высохшего колодца! Забыли мои наставления?

Одетый в простые соломенные сандалии лекарь с бамбуковой тростью в руках не стеснялся в выражениях. Договорив, он дерзко сдул упавшую на лоб прядь волос, всем своим видом выказывая пренебрежение к дворцовому этикету.

Чу Яо покосился на маленькую духовную птицу, увлеченно клевавшую зерно. Перышки возле его ушек едва заметно подрагивали — малютка явно грел уши.

Чу Яо улыбнулся и перевел взгляд на лекаря:

— В тот день я сам дал волю чувствам, оттого яд и разбушевался. Все не так страшно. Способ с «Морозной костью» хоть и опасен, но в крайнем случае как спасение вполне годится. Тебе не стоит так тревожиться, брат Чи.

Лекарь Чи хмыкнул и с живым любопытством уставился на птицу:

— Так это и есть Бифан? Надо же, крылья такие короткие... Он хоть летать-то способен?

«У самого тебя руки короткие, и у всей твоей семейки тоже!»

Цзюнь Жухэн так и исходил безмолвным негодованием. Вдруг лицо лекаря Чи посерьезнело:

— В Долине Фэнъюнь как раз не хватает духовного объекта с телом чистой ян для испытания новых снадобий. Ваше Высочество как-то обмолвился, что я волен взять любую вашу вещь, если потребуется. Обещание все еще в силе?

У Цзюнь Жухэна внутри все похолодело. Он уставился на Чу Яо, ища защиты.

— Разумеется, — Чу Яо раскрыл ладонь, куда Цзюнь Жухэн тут же поспешно перебрался. — Но только не его. Тело чистой ян — редкость, спору нет, но у этого малыша не все три души на месте. Для твоих опытов он бесполезен.

Цзюнь Жухэн понимал, что Чу Яо просто ищет предлог, но слова о неполноте души заставили его задуматься. На корабле, сквозь бред, он ведь слышал то же самое.

«Не потому ли моя память после перемещения в это тело то и дело обрывается?»

Лекарь Чи как-то странно, понимающе усмехнулся:

— Три души не воссоединились? Что ж, тогда понятно...

Чу Яо прервал его, сохранив на лице вежливую улыбку:

— Полно тебе, брат Чи, не шути так. Ты нечасто жалуешь меня визитами. Так зачем пожаловал сегодня?

Лекарь лениво потянулся:

— Похоже, Лю Шоуи со своей лестью еще не успел до вас добраться. Вы что, действительно ничего не слышали о снизошедшем Небесном откровении?

Чу Яо покачал головой.

Свита Восточного дворца находилась в Цзичжоу уже несколько дней. Чу Яо почти не выходил из своих покоев и принял адъютанта Лю Шоуи лишь однажды — в день прибытия.

Тогда Цзюнь Жухэн прятался у принца в рукаве и успел запомнить этого приземистого, чернявого толстяка с вечно заискивающей ухмылкой. Тот сразу вызвал у птицы интуитивную неприязнь.

Жухэн чувствовал, что и Чу Яо презирает этого чиновника, хотя и виду не подавал. Официально принц лишь ссылался на слабость здоровья и необходимость покоя.

Лекарь, которого звали Чи Сяюй, поведал, что через пару дней после прибытия наследника в ущелье за городом явилось знамение — Небесное откровение. Оно было высечено на огромном сером валуне и содержало слащавые, льстивые речи, превозносящие добродетели принца.

Чи Сяюй рассказывал об этом с явным отвращением, то и дело скрежеща зубами от нелепости происходящего.

Чу Яо усмехнулся:

— Неужели у него нашлось для этого время? До меня доходили слухи, что он вовсю заискивает перед моим царственным дядей, надеясь заслужить милость будущего государя.

Чи Сяюй ничуть не удивился этим словам. Он лишь пренебрежительно фыркнул:

— Полно вам. Откуда у этого Лю такие амбиции? Обычный флюгер. Вы маринуете его без внимания уже столько дней, у него наверняка поджилки трясутся.

Почти в то же самое время в казенной усадьбе за соседней стеной Лю Шоуи нервно теребил жидкую бородку и паниковал:

— Я ведь говорил, что затея принца Яня сомнительна, а ты все подначивал! Теперь Восточный дворец явно что-то заподозрил, раз меня даже на порог не пускают!

Смиренно выслушивающий нагоняй советник в душе посмеивался над его трусостью, но вслух ответил со всем почтением:

— Господин, кто же мог знать, что у Его Высочества принца Яня возникнут трудности со сбором войск? Но вам не о чем беспокоиться. Слух о Небесном откровении уже разлетелся по всему Цзичжоу. Как только Его Высочество наследник услышит об этом, он непременно оценит вашу преданность.

Лю Шоуи сокрушенно вздохнул:

— Хотелось бы верить. Наследник заперся в покоях и вряд ли знает, что творится снаружи. Найди толковых людей, пусть притащат этот камень прямо во двор виллы.

Советник поклонился, а про себя подумал: «Великий наставник Ян зрил в корень. Этот дурак действительно непроходимо глуп. Сама судьба велит использовать его как пешку».

После ухода лекаря благовония в курильнице догорели. Чу Яо приоткрыл крышку, залил угли водой и, заметив, что птичья площадка опустела, потянулся насыпать корму.

Но вдруг чья-то ладонь накрыла его руку.

В отличие от холеных пальцев принца, ладонь принявшего человеческий облик Цзюнь Жухэна была покрыта тонкими мозолями. Ее шершавое прикосновение невозможно было проигнорировать.

— Что такое «Морозная кость»?

Ресницы Чу Яо на мгновение дрогнули. Когда он поднял лицо, в его невидящих глазах отражалась лишь мягкая пустота.

— Обычное средство против холодного яда. Правда, когда принимаешь его, ощущения не из приятных.

Он говорил об этом так легко и небрежно, но у Цзюнь Жухэна заныло сердце — тупо, щемяще.

Поначалу он считал Чу Яо мягкотелым глупцом, которого легко обвести вокруг пальца ради своих целей возрождения клана Бифан. Жухэн даже радовался такой удаче. Но этот немощный наследный принц Великой Инь на деле оказался чистейшей души человеком — благородным и благочестивым, лишенным и капли корысти.

Жухэн порой ловил себя на мысли: будь корысть Чу Яо направлена на его чистую кровь ян, все было бы куда проще. Но принцу от него ничего не требовалось.

Чувство вины — самое острое оружие, способное взломать любую броню.

В душе Жухэна теперь зрел сложный узел из противоречивых чувств. Он мысленно проклинал создателей этого тела: почему прежний владелец не был законченным негодяем, не знающим благодарности?

Чу Яо попытался высвободить руку, но Жухэн лишь крепче сжал ее. Принц медленно развернулся к нему, но из-за слабого зрения оступился. Пытаясь удержать равновесие, он случайно ухватился за пояс Жухэна и резко увлек его за собой.

Они оказались лицом к лицу. Жухэн и раньше видел этого болезненно-красивого юношу так близко, но сейчас, в ином расположении духа, все воспринималось иначе.

Дыхание принца, пахнущее горькими травами, коснулось его щеки. Жухэн облизнул пересохшие губы, но так и не смог унять внезапный жар. Не зная, куда деть взгляд, он скользил глазами по его лбу, переносице и наконец замер на влажных, припухлых губах.

Жухэн натянулся как струна.

Чу Яо, казалось, ничего не заметил. Он мягко высвободил ладонь и накрыл ею пальцы Жухэна.

— Если тебе не дает покоя совесть, может, пообещаешь мне кое-что?

— Что именно? — спросил Жухэн, тут же почуяв подвох.

Пальцы принца скользили по его мозолистой ладони, а вторая рука осторожно опустилась ему на талию. Чу Йо едва заметно приподнял бровь.

Какая тонкая талия, и сколько в ней скрытой силы.

За окном изогнутые ветви цветущей яблони тихо клонились к молодым побегам бамбука. Голос принца звучал ровно и доверительно:

— Редкое знамение явилось миру. Мне тоже хочется пойти и взглянуть на это Небесное откровение.

С тех пор как Чу Янь въехал в город, его не покидала тревога.

Он хмуро глушил крепкое просовое вино. Беломордый лис Тушань попытался заискивающе потереться о его ногу, но получил такой пинок, что отлетел на несколько чжанов, скуля и перекатываясь по полу.

— Тварь шелудивая, у кого ты этих псиних повадок набрался? — процедил Чу Янь.

Тут его взгляд упал на улицу, где стражники торжественно тащили огромный серый валун. Ярость мгновенно ударила ему в голову.

«Сукины дети, как же быстро они переобуваются!»

За пределами Цзичжоу явно что-то пошло не так. Договаривались напасть сразу после въезда в город, но условного сигнала все не было. Эти непредвиденные обстоятельства изводили Чу Яня, чья решимость и без того колебалась.

Хмель ударил в голову. Пошатываясь, он подошел к окну и распахнул створки. Шум бурлящей улицы мгновенно ворвался в комнату.

Толпа зевак запрудила мостовую. И сквозь это море голов Чу Янь вдруг отчетливо разглядел двоих.

Один — в алом одеянии, ярком, как лепестки дикого пиона; другой — в строгом зеленом халате. Тонкую, но крепкую талию стягивал темный шелковый пояс, а широкие рукава колыхались на ветру, придавая ему сходство с небожителем. Они стояли рядом, и казалось,

сама суэта бренного мира отступала перед этой парой.

Лицо Чу Яня потемнело от злости.

Юноша в алом что-то весело прошептал своему спутнику. Тот мягко улыбнулся, достал из рукава кусочек солодовой сладости и неторопливо поднес к его губам.

В руке Чу Яня с треском лопнула глиняная пиала, брызнув осколками и вином.

Птицы по природе своей падки на сладкое. Цзюнь Жухэн просто обмолвился об этом в шутку и не ожидал, что Чу Яо действительно достанет лакомство, купленное невесть когда.

Глядя в эти смеющиеся невидящие глаза, Жухэн заворожено потянулся к сладости и взял ее губами. В голове вдруг созрела шалость. Улучив миг, он едва заметно коснулся кончиком языка нежной кожи между пальцами принца.

Чу Яо почувствовал это, но его улыбка осталась прежней.

— Так кто этот лекарь Чи? — невнятно спросил Жухэн, перекатывая сладость во рту. — Больно он дерзкий.

Сам не зная почему, он злился, когда кто-то смел разговаривать с наследником в подобном тоне.

Чу Яо негромко рассмеялся:

— Единственный сын Чи Мо, легендарного шестипалого божественного лекаря. Его мастерство превосходит умения десятка придворных врачей. Он слишком долго скитался по Поднебесной, вот и не привык к дворцовым церемониям.

Жухэн понимающе кивнул, хотя внутри все равно зародилось сомнение: как изнеженный принц умудрился завести дружбу с бродячим лекарем?

Не успел он спросить об этом, как из толпы донеслись злые, едкие голоса:

— Какое еще благословение звезд? Да он ходячее несчастье! Помните, как наставники из Астрономического приказа пели соловьем, мол, рождение наследника — добрый знак, сулящий процветание Великой Инь? И где оно?

— Из года в год то засуха, то наводнения. Да и сам он едва дышит. Разве так выглядит тот, кого поцеловало небо?

— Тсс! Потихе, вокруг полно ушей...

Простые люди говорили то, что думали, без злого умысла. Но именно такие бездумные речи ранили сильнее всего.

Цзюнь Жухэн не выдержал. Он резко развернулся к толпе:

— Судьба государства куется во дворцах правителями и на полях простым людом. Разве под силу одному человеку вершить все? Вы молоды, полны сил, а вместо того чтобы надеяться на себя, уповаете на волю богов и духов. Неудивительно, что ваша жизнь полна лишений!

Эта гневная отповедь заставила зевак смущенно замолчать.

Но стоявший впереди мужчина злобно зыркнул на него:

— Да что ты, изнеженный барчук, смыслишь в нашей жизни? Из-за этого задохлика государь поверил бредням колдунов! Чтобы продлить ему жизнь, они прорвали дамбу Иньшань и пустили воду на драконью жилу! В то лето смыло больше десятка деревень вокруг гор Иньшань. Тысячи невинных душ стинули в пучине! И после этого он не проклятие?

Жухэн опешил. В ту же секунду в его сознании отозвался голос Системы:

[Справка: Горы Иньшань когда-то входили в число семидесяти двух великих духовных обителей древности. Во время междоусобной войны духовного мира прежний владыка клана Бифан, Цзюнь Янь, пожертвовал собой, чтобы навеки заточить под этими горами три тысячи мятежников]

[Спустя десятилетия это мрачное, пропитанное смертью место породило чистейшую духовную артерию, способную изменять законы бытия. Ее называли драконьей жилой]

Жухэн мгновенно вспомнил слова Чу Яо на корабле: «После трагедии у дамбы Иньшань я больше не хочу, чтобы из-за меня гибли люди».

Он обернулся, но позади никого не было.

В голове зашумело. Первой мыслью было, что жестокие упреки толпы ранили принца в самое сердце и он ушел. Слабые духом и телом люди принимают обиды слишком близко к сердцу. Что, если этот полуслепой юноша в суматохе толпы попадет в беду?

«Тогда всем моим планам по возрождению клана конец!»

Проклиная все на свете, Жухэн бросился сквозь толпу на поиски. И в этот момент огромный серый валун, который едва могли обхватить восемь человек, с оглушительным грохотом раскололся надвое!

<http://bllate.org/book/18274/1750177>